

**СЕРГЕЙ
ТЕПЛЯКОВ**

литературная серия
«ПРО НАШУ ДАВНЬ»

Детектив
**КОЛЯ-
НИКОЛАЙ**

КНИГА О ЛЮБВИ

Сергей Александрович Тепляков
Двуллер-2: Коля-Николай
Серия «Двуллер», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2554155
Двуллер-2: Коля-Николай: ОАО «ИПП «Алтай»; Барнаул; 2011
ISBN 978-5-88449-253-0*

Аннотация

«Двуллер-2: Коля-Николай» – это книга о том, какой бывает любовь в современной России. Есть ли место любви в нашей жизни? Имеет ли человек право на кусочек счастья? Остались ли в современном мире чудеса? Книга основана на реальных событиях и судьбах – в этом-то и беда...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Тепляков

Двуллер-2: Коля-Николай

Огромная благодарность за помощь в издании книги Альберту Денисову (председателю совета директоров ГК «АгроХимПром»), и Юрию Фрицу (генеральному директору ТПК «Сибирь-Контракт»).
С. Тепляков.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Записывай... На диване сидит труп мужчины приблизительно сорока лет... Труп одет в спортивные штаны. Записал?

– Игорь Петрович, а ничего, что «труп одет»? Как-то не по-русски... Да и «сидит труп мужчины» – опять все смеяться будут...

– А он что – стоит?! Или это труп женщины?

– Давайте напишем: «На диване находится тело потерпевшего, расположенное сидя»... Хотя тоже коряво выходит...

– Вот то-то и оно! Это «Евгения Онегина» легко писать, а такие протоколы как ни пиши, все равно смех сквозь слезы. Так что пиши как есть: сидит труп мужчины... приблизительно сорока лет... одет в спортивные штаны и тапочки типа шлепанцы... Верхняя часть тела голая. С левой стороны груди – ножевое ранение... Крови выделилось мало. Судя по всему – сильное внутреннее кровотечение.

Разговор двух милиционеров долетал до Ирины откуда-то издалека. Голова кружилась. Она понимала, что еще пьяна, и даже надеялась, что пьяна она так, что все это ей или чудится или – еще лучше – снится. Она при этом и понимала, что не снится – так все и есть, мертвец, милиционеры, соседи-понятые, глядящие на нее круглыми глазами и осуждающе качающие головой (тетя Маша с пятого этажа сначала и попросилась было в понятые – так хотелось ей на все посмотреть, а теперь, по глазам видно, явно томилась – так хотелось ей поскорее уже отсюда выйти, чтобы все рассказать!). У дальней стены стоял мужик, фамилию которого Ирина с трудом вспомнила – Пулатов. Он был узбек, муж, Александр, тот самый, который сейчас мертвым сидел на диване, привел Пулатова сегодня днем к ним домой выпивать. Ирина уже и застала их за столом. Пулатов сейчас качал головой и цокал языком. Он что-то говорил, но русских слов в его речи было так мало, что его никто не понимал.

Пятнадцатилетний сын Мишка сидел вроде и рядом, но так, что между ними – Ирина чувствовала – была пропасть. Мишка плакал, как не плакал и в детстве.

– Гражданочка... – услышала Ирина. – Гражданочка...

Она подняла голову. Один из милиционеров, тот, что постарше, худой и темноволосый, стоял перед ней.

– Гражданочка, сейчас едем в отделение, там расскажете, что у вас тут произошло... – сказал милиционер. – Возьмите с собой какие-нибудь вещички...

– Какие? – спросила Ирина враз высохшими губами.

– Какие-какие... – протянул милиционер. – Уж думаю соберите в сумку сменную одежду, обувь, да туалетные принадлежности.

– Меня что же – арестуют? – спросила Ирина.

– Гражданочка, а вы как думали – мужа зарезали и пошли со следующим знакомиться? – спросил милиционер немного даже удивляясь и показывая, что он удивлен. – Сейчас в кутузку, это без вопросов. А уж там видно будет. Следователю расскажете, за что вы его ножиком пырнули, а потом судье...

– Он меня ударил... Он меня бил... – начала как заведенная говорить Ирина. – Это самооборона. Он вон какой амбал, а мне-то что оставалось...

Она осеклась, увидев, как смотрит на нее сын – с ужасом смотрел. Ирина почувствовала, как заболело сердце. Мишка любил отца больше, чем ее – так вышло, и так было уже давно. Как собака или кошка раз и навсегда решает для себя вопрос, кто хозяин в доме, так и Мишка когда-то давно решил, что отец для него главный человек, а остальные – так, просто люди. И Ирина, мать, была в том числе, ниже школьных друзей, где-то вместе с соседками по дому. Пока был маленький, было еще куда ни шло, а последние годы – совсем наперекосьяк.

– Прости, сынок... – тихо проговорила Ирина. Слезы текли по ее щекам, но она не всхлипывала и вообще не издавала ни звука – она почему-то думала, что не имеет на это права: сама ведь кругом виновата, что же теперь плакать? Мишка смотрел на нее во все глаза, но без сочувствия, будто не на мать, будто на кого-то незнакомого. Она поняла, что даже того крошечного местечка, которое она занимала в его сердце, нет теперь для нее – вылетела она и оттуда, с вещами, как сейчас вылетит из этой квартиры. И еще она поняла, что даже если в квартиру она потом и вернется, то сердце сына закрылось для нее навсегда.

Она встала, прошла по комнате, глазами мазнув по покойнику и не испугавшись его. Она вдруг поняла, что надо привыкнуть к новому повороту жизни как можно быстрее, будто этого и ждала. «В сущности, может и правда ждала все эти восемь лет... – подумала она. – Должно же это было чем-то кончиться...» Она подумала, что на самом деле все могло бы быть иначе – обещали ведь и ей небо в алмазах или хотя бы в фианитовых крошках.

Комната была как комната и квартира – как квартира: зал, спальня, кухня, ковер на стене, палас на полу, стенка, покупкой которой так они все, особенно свекровь Нэлла Макаровна, гордились (в 1990 году, в самый советский кризис, Нэлла Макаровна «пробила» эту стенку через какой-то профком, чем даже сейчас, 15 лет спустя, гордилась так, будто в космос летала. Она вообще то и дело при Ирине вспоминала, что вот и стенку им купила, и квартиру вот эту подарила на свадьбу: «Чтобы наживали вы здесь счастье. А вы?!»...). «Вот и нажили...» – подумала Ирина. По квартире ходили разные люди, полированные поверхности серванта покрывал белый дактилоскопический порошок.

Один из милиционеров пошел за ней. Она прошла в спальню, взяла какую-то сумку и стала скидывать туда вещи, которых почти не видела от разом заливших глаза слез.

– Гражданочка... – донеслось до нее. – А вот это платье-то вам зачем? Спортивный костюм есть?

Она очнулась – в руках у нее было платье в красных цветах, самое ее нарядное и самое любимое.

– Или вы там собираетесь в художественной самодеятельности выступать? – спросил ее милиционер так, будто она и правда могла что-то знать про ту предстоящую ей жизнь и на самом деле к ней готовиться. – Так это еще не скоро... Это разве что в лагере...

– Да не убивала я! – вдруг закричала она. – Не убивала.

– Вы, гражданочка, уж решите, убивали или нет... – спокойно ответил милиционер. – А вот только говорили, что убивали, а сейчас – что не убивали. И если не вы – так кто? Кроме вас-то некому...

Милиционера звали Игорь Бушуев и был он начальником уголовного розыска местного РОВД. На эту должность он попал недавно и до сих пор ему было приятно вспоминать, что вот он – начальник уголовного розыска. Он бы при каждом вызове стучал в дверь и кричал «Откройте, угрозыск!», но девять из десяти вызовов были такие, что никто и не понял бы,

что он там кричит. Драки по пьянке и убийства по пьянке: труп есть, а кто его, за что и как – никто не помнит. Так что слова Ирины совершенно не удивляли его – все так говорят. Даже если руки в крови и одежда в крови, все равно говорят – я не убивал.

Ирина смотрела на него с ужасом. Спокойствие этого милиционера и то, что он даже не пытался ее изобличать – ловить на нестыковках, спорить, что-то ей доказывать – ужасали ее особенно: выходило так, что все уже решено.

– Игорь Петрович! – позвали из комнаты.

– Сейчас! – отозвался Бушуев и посмотрел на Ирину. Она поняла – надо собираться быстрее.

– Документики где? – спросил он.

Она пошла в зал и вытащила из серванта коробку, где хранились все документы – на нее, на мужа, на сына. Вытащила свой паспорт и отдала Бушуеву.

– Радостева Ирина Алексеевна... – прочитал Бушуев и едва сдержался, что не хмыкнуть – Радостева! Он и второй милиционер, 25-летний оперативник Славка Мельников, светловолосый, быстрый в движениях и, как это часто бывает среди оперов, похожий на жулика повадками, манерами и разговором, одетый по случаю августовской жары в светлые легкие штаны, светлый легкий пиджак с подвернутыми по одному только Славке известной моде рукавами, переглянулись. «Радостева! С такой фамилией жить и радоваться, а не мужиков резать...» – подумал Бушуев.

На фотографии в паспорте Ирине было 25 лет. Бушуев, хоть и плохо чувствовал женскую красоту (чутье это, как, например, музыкальный слух, у каждого разное), все же удивился внутренне – да она ли на фото, та, которая вот сейчас сидит перед ним? Удивительного редкого разреза глаза сейчас были закрашены тенями и залиты поползшей от слез тушью. Женщина на снимке смотрела так, будто усмехалась – вот и уголки губ чуть приподняты. Та, что сидела перед ним на диване, не улыбалась уже давно – такие вещи Бушуев понимал. Он посмотрел на Ирину опытным мужским взглядом. Потом отошел и молча показал Мельникову ее фотку в паспорте.

– Ого! – сказал Мельников, тут же мельком глянув на Ирину, и так же, как Бушуев, поразившись про себя, как перепахала жизнь эту несчастную бабу.

– Это что... – негромко сказал Бушуев и перевернул страничку паспорта, показывая ту, на которой была фотография 16-летней Ирины. – Эх, и почему мы не ходили с ней по одной улице?

– Так она, Игорь Петрович, постарше вас будет! – ехидно проговорил вполголоса Мельников, глядя на шефа одним глазом из-под нависшего чуба.

– Любви, Мельников, все возрасты покорны! – назидательно ответил Бушуев, снова открывая страницу, на которой Ирине было двадцать пять. – Да и постарше всего чутко.

– Да я разве ж против? – пожал плечами Мельников. – Только сидели бы вы сейчас на этом диване с ножевым ранением в груди...

– Типун тебе на язык! – сплюнул Бушуев. Тут он задумался.

– Кстати, Мельников, а ножик-то где?

Они оглянулись. Бушуев пошел к покойнику и посмотрел тому на грудь, пытаясь понять, каких примерно размеров был убивший его нож. Потом он отошел к столу. На столе хоть и не было особой красоты, однако стояли тарелки, рюмки для водки и стаканы для «запивки» – то есть застолье было почти интеллигентное. Ножа на столе не было.

Бушуев отправился на кухню, на ходу отмечая, что и полы давно пора покрасить, и обои явно наклеены еще лет десять назад – вон и отстали уже кое-где. На кухне в столе была разная утварь, однако ножики были либо из столовых приборов, с закругленными носами, либо узкие и короткие. Бушуев же полагал, что сидевший на диване человек был убит другим инструментом – с широким и длинным лезвием, какими обычно в семьях режут мясо. Он

заглянул в холодильник, под кухонный стол, за батарею. Ножика не было. Он встал посреди кухни и стал оглядываться. Методика, согласно которой отыскиваемая вещь сама покажет себя, сработала: в мойке из-под посуды торчала обмотанная синей изолентой ручка ножа. Бушуев взял какую-то тряпочку, обернул ею рукоять ножа и осторожно вытащил. Нож был именно такой, какой он себе и представлял: с широким и длинным лезвием. Неся его, как селедку, он вошел в комнату, встал перед Радостевой и сказал, внимательно глядя на нее:

– Вы же, гражданочка, этим своего мужа зарезали? Этим ножичком? Признавайтесь, и мы запишем, что это вы выдали орудие преступления. Вам скидка будет...

Ирина побелела и, казалось, вот-вот упадет без чувств. Мальчишка рядом с ней что-то закричал, подскочил к ней и начал колотить ее кулаками по плечу. Бушуев пожалел уже, что устроил всю эту психологию – и без нее все было ясно. Мельников, оторвавшись от писанины, оттащил мальчишку в сторону.

– Правду будем говорить, Ирина Алексеевна? – осведомился Бушуев. – Или так, опять вы его не убивали?

– Это не я... – сказала женщина. Глаза ее погасли, она помертвела. – Это он меня убил...

«Ну вот, привет...» – мелькнуло в голове у Бушуева. Он вздохнул и переглянулся с Мельниковым – совсем поехала у бабы крыша.

– Собирайтесь... – велел он. – Поедем в отдел, там и поговорим...

Глава 2

– Он меня бил... Это была самооборона... – повторяла Ирина.

– Когда бил? – спросил Бушуев, которому все это на исходе третьего часа допроса уже надоело.

– Всегда... – отвечала она.

– А сегодня? – спросил Бушуев. – Сегодня бил?

– И сегодня бил... – ответила Ирина.

– А чего ж на вас – ни синяка, ни царапины? – поинтересовался Бушуев. Он в общем-то и сочувствовал уже ей – видел фотографию, и понимал, что не от хорошей жизни так постарела женщина за десять с небольшим лет.

– Ирина Алексеевна, давайте сознаваться... – сказал он мягко, будто давал совет дорогому другу. – Вот я вам сейчас скажу, как все было. Вышли вы замуж за своего ненаглядного (тут он глянул в паспорт покойника) Александра Васильевича в 1990 году. А тут кризис. И начал он пить. Мужики слабее баб, всегда первыми ломаются. А где пьянка, там и драка, так ведь? Я же не против, да, он вас бил. Только не сегодня, а так, вообще. Ну вот вы и решили от него избавиться. Но так как он на полторы головы вас выше и килограммов на семьдесят тяжелее, то вы решили дожидаться дня, когда он напьется так хорошо, что и сам не почувствует, как вы его зарезали. И вот сегодня этот день настал...

Он остановился и смотрел на нее. Она смотрела остановившимися глазами куда-то вниз. Бушуев подумал – узнать бы, что же такое она там видит? Он полагал, что в общих чертах все было именно так или примерно так, как он сейчас рассказал – почти всегда все было именно так: доведенная до отчаяния беспросветной жизнью женщина брала в руки топор, кирку, лопату и убивала. Он даже сочувствовал им всем – вот и Ирине сейчас сочувствовал. «Что ж вы так убиваете, что потом попадаетесь? – думал Бушуев, глядя на Ирину. – Ну купила бы ему паленой водочки и напоила бы до смерти...»

Мельников сидел тут же и писал протокол допроса. Он в общем-то тоже сочувствовал этой бабе, но слишком много фактов было против нее и Мельников понимал это. Кроме отсутствия синяков, смущал еще и относительный порядок в квартире и, главное, на столе – если бы уж была в доме драка, то стол бы разнесли в первую очередь. «С другой стороны – чего бы ей резать мужа при сыне? – подумал вдруг Мельников. – Какой-никакой, а все ж таки отец. То-то мальчишка на нее с кулаками кинулся...»

Ирина, хотя и трезвела, но соображала все хуже и хуже. Ей казалось, что милиционер, задавая вопросы, все пытается ее подловить, она старалась уловить, в чем подвох, и на поиски подвоха в одном вопросе у нее уходило столько времени, что следующий вопрос заставлял ее совершенно врасплох. Она была как неумелый теннисист, который машет ракеткой наудачу и если попадает по мячу, так только случайно. Она вдруг вспомнила что-то, усмехнулась и задрала свою майку выше груди.

– Вот вам и синяки, и царапины... – сказала она.

На теле, на животе и боках, и правда были пятна синяков. «Хорошие были у мужа кулачки...» – подумал Бушуев, разглядывая эти красные следы.

– Ирина Алексеевна, но это же не сегодня он вас лупил... – сказал он. – Не сегодня. Самооборона, это если он сегодня начал вас бить головой об стенку, а вы не сдержались и его ножиком ширнули. Но он же вас ни головой об стенку не бил, ни кулаками. Вы задумали его убийство давно, а сегодня, когда и он, и вы напились, выполнили задуманное. А это уже умышленное убийство. Уж извините, но до пятнадцати лет. Женщинам, конечно, так много не дают, но все равно – десятка, как пить дать!

«Десять лет! – зазвенело у нее в голове. – Десять лет! За что!»

– Это не я! – вдруг сказала она. – Это...

Тут она словно поперхнулась словами и замолчала, дико глядя на оперов.

– Ну а кто? – спросил Бушуев. – Сын что ли? Или этот, узбек? Нет, для такого удара ярость нужна. Ваша бабья ярость.

– Он сам! – вдруг сказала Ирина и в ней вспыхнула надежда. – Он сам. По пьянке на ножик напоролся. Он же так набрался сегодня, что едва ходил. Запнулся о стол, упал, и – на ножик...

– Ага, и так – десять раз... – хохотнул, оторвавшийся от протокола Мельников. – Женщина, мы таких баек слышим каждый день по пять штук. Чистосердечное признание учитывается судом и может облегчить вашу участь!

Бушуев строго глянул на него и Мельников замолк. Бушуев, впрочем, был доволен этим вмешательством – в конце концов, «доброе» и «злое» следователя никто не отменял. Отвернувшись от Ирины, Бушуев глазами показал Мельникову – продолжай. Тот приободрился.

– Дамочка, смотрите сюда... – отрываясь от протокола, заговорил Мельников, добавляя металла в голос. – Мотив был только у вас, возможности – только у вас. Или какой-то бетмен спустился с небес за вас мужу отомстить? Вот вы здесь запираетесь, и думаете, что этим помогаете себе. А нет – только хуже делаете. Признаете вину – десять лет. А не признаете – пятнадцать! Ты, дура, подумай, сколько сыну-то уже будет, когда ты из зоны выйдешь?!

При напоминании о сыне что-то надломилось в Ирине. Она упала головой на стол и зарыдала так, как еще никто не рыдал в этом кабинете. Бушуев и Мельников оторопели. Бушуев мигнул напарнику – воды. Мельников полез за графином, за стаканом, наконец, спроворил воды.

– Гражданочка, попейте и успокойтесь... – командирским тоном сказал Бушуев. – Товарищ мой верно все говорит – запирательство вам обойдется слишком дорого. Самооборона не получается. Вот в любой другой день, когда он вас колотил, зарезали бы вы его, и была бы самооборона, а сегодня – нет. Пишите явку с повинной.

– Адвоката! – вдруг вспомнила Ирина. – Адвоката!

Бушуев и Мельников с тоской переглянулись – допрос грозил затянуться до утра.

– Мадам, мы на вас чужого не повесим, вам бы свое унести! – начал было Мельников, но Бушуев его оборвал:

– Ладно. Будет вам адвокат...

Глава 3

Хоть и бывали фамилии похуже, но свою – Грядкин – Николай никогда не любил. Почему – сказать не мог, но не любил. Возможно, потому, что с самого детства помнил отцовские слова: «Надо выбрать свою грядку и на ней потихоньку расти!». Отцу это казалось шуткой, но Николай так и представлял себе, что вот его закопали в грядку, и он оттуда, как морковка с глазами, вырастает. А вместо волос у него – зеленая ботва. Может, это даже снилось ему – отсюда, видимо, было чувство ужаса, появлявшееся всегда, когда отец вспоминал свою поговорку.

Отца Николая звали Виктор, маму – Нина. Они родились в пятидесятые годы, а их студенческая молодость помножилась на благополучие семидесятых. Отец то и дело рассказывал, как был в институте комсомольским активистом, спортсменом, как ездил в стройотряды комиссаром, как играл на гитаре, писал стихи и даже посылал их в журнал (в журнале отказали, но уже одно то, что Виктору Грядкину пришел из журнала ответ, произвело сенсацию в институте – считалось, что отвечают не каждому). Высокий, черноволосый, громкоголосый, он был в институте первым парнем. Николай однажды, во время очередного отцовского рассказа о необычайном успехе руководимой отцом самодеятельности, вдруг понял, что студенческая пора был для отца счастливейшим временем. А потом она кончилась и он попал в какой-то проектный институт, в огромный зал с бесконечными рядами кульманов.

Отец пытался и здесь поактивничать, но охотников до песен и театров миниатюр не оказалось, да еще тут же началась семейная жизнь, родился, он, Николай.

Грядкин иногда удивлялся, на чем и как сошлись его родители. Мама была из деревни, жила в общежитии, красавицей не была, что и сама признавала, правда, делая это так, что за признанием читалось: «Вот хоть и не красавица я, а скольким красавицам утерла нос!». В детстве Грядкин думал, что у его отца и матери любовь, как у Принца и Золушки. Потом, повзрослев, из полужаргонных и полуразговоров, из шуточек и намеков, он понял, что в случае с его родителями к этому сказочному сюжету надо еще добавить новогоднюю ночь, портвейн, и ту решимость, с которой мама сама залезла к отцу в постель. Принц-то думал, что это так, шутки, игры, приключение. Но у Золушки были иные планы: она забеременела.

– Я поступил как честный человек!.. – то и дело говорил Николаю отец. – Ты думаешь, мне с твоей матерью было легко? Но мы в ответе за тех, кого приручили.

При этом бабушка, мамина мама, была из простых, проще некуда – работала в деревенском клубе техничкой. Николаю, особенно в детстве, эта ее работа нравилась – бабушка пропускала его без билета в кино и вообще в клубе он был своим, мог смотреть фильмы из будки киномеханика и вместе с ним клеил то и дело рвущуюся пленку (Николая занимало, почему в этот момент в зале кричали киномеханику «Сапожник! Сапожник!»), но отец это «происхождение» матери то и дело поминал: «Ты вон из каких, а я не посмотрел на это, женился!». «Сам-то будто из дворян!» – отвечала на это мама. Родители отца и правда были всего лишь заводскими служащими, но отец считал, что это – белая кость, техническая интеллигенция. «На нас держится страна, на инженерах, на лучших мозгах страны!» – то и дело говорил Грядкин-старший.

Грядкины жили в одном из больших сибирских городов, в том, который считал себя третьей столицей государства. Жили как все: большой радостью была покупка стенки, большой мечтой – подписные издания. Правда, красные тома Дюма им так и не достались, зато подписались на Салтыкова-Щедрина, и одиннадцать его коричневых томов, почти нечитанных, стояли ровным рядом. Когда по случаю купили ковер, Нина на радостях обзванивала соседок. В рестораны ходили редко и совершенно не умели оставлять официантам на чай –

им казалось, что официант от чаевых должен обидеться и вызвать милицию как при получении взятки.

Как все в их кругу, они много спорили на кухне. Сначала им не нравились коммунисты, с 1991 года – демократы. Николай рос под шум этих разговоров, под слова «перестройка», «ускорение», «гласность», под шелест газет, которые тогда читали, будто проглатывали.

Детство Грядкина пришлось на разгар советского кризиса, так что про хорошую жизнь он узнавал лишь из ностальгических рассказов взрослых. Сам же помнил лишь конфеты по прозвищу «Дунькина радость» – карамель нельзя было раскусить, проще было бросить в горячий чай и размешать – получался чай с молоком или что-то вроде этого. Ну да, пряники в магазине стоили гроши, но почему они всегда были каменные? К хорошей жизни не привык, но очень о ней мечтал. Из отцовского воспитания запали слова «мужик должен» и «заработать».

В 14 лет Николай решил заработать отцу на подарок деньги. Было лето, на каждом перекрестке стояли пацаны с ведрами и тряпками и мыли желающим машины. Николай присоединился к одной из таких компаний и неделю драил крылья, багажники, колеса. Будучи научен тому, что лучший подарок – книга, он именно книгу и купил: какой-то новоизданный том Хемингуэя, фамилия которого то и дело доносилась из кухни. Этим Хэмингуэем Николай и получил от отца по башке – отец откуда-то прознал, как заработал Николай деньги на подарок.

– Головой надо работать, головой! – сказал ему тогда отец. – Руками дураки работают, а ты белая кость! Ты еще как бабка твоя начни полы мыть!

Николай хоть и был с отцом совершенно не согласен, промолчал, и слезы проглотил. В следующий раз он решил и правда работать головой: с пацанами они покупали в одной из редакций газеты, а потом продавали их на улице, крича совсем как в кино: «Свежие газеты! Покупайте! Сенсации, разоблачения, кроссворд, астропрогноз!». Но и за эти деньги ему влетело от отца.

– Это не работа, это купи-продай! – кричал отец. – Ты не работяга, ты спекулянт!

Николаю было тогда уже больше 15 лет, поэтому он не промолчал.

– Папа, это всего-навсего рыночная экономика! – сказал он. Отец дал ему подзатыльник. Не то чтобы этот подзатыльник перевернул весь внутренний мир Николая. Но именно после этого отец все чаще стал казаться ему сварливым старичком – и это при том, что отцу было всего лишь за сорок.

К окончанию школы Николай имел что-то вроде небольшого бизнеса – он торговал автозапчастями. Кругом автомастерские специализировались на иномарках, и только Николай, едва ли не единственный, сделал ставку на отечественный автопром.

У отца был «Москвич-412» – когда-то новый и даже в какой-то степени модный, а ко второй половине 90-х дышащий на ладан. Глядя на него, Николай как-то раз подумал, что такая развалюха в городе далеко не одна, и их хозяева тоже хотят ездить. На запчастях для этого утиля он и зарабатывал.

Николай по-прежнему все заработанное отдавал матери – так был научен. Однако мать принимала деньги с таким испуганным лицом, будто участвовала в антиправительственном заговоре. Николай видел, что никакого хода эти деньги не имеют – ни еды, ни одежды мать не покупала, боясь, что отец начнет выяснять, с каких это доходов вдруг такая роскошь.

Жизнью с родителями Николай тяготился все больше. В последнем классе школы он понял, что из родного города надо уезжать. В одном из соседних городов оказался техникум, где учили на автомехаников. Кроме того, при техникуме имелось общежитие, там платили стипендию, а по утрам ученикам даже давали завтрак. Грядкин, впрочем, полагал, что и в этом городе есть старые «Москвичи», и на свой кусок хлеба он уж точно заработает.

Когда он заявил, что уезжает, дома был скандал. Мама плакала.

– Я тебе запрещаю, слышишь, запрещаю, даже думать об отъезде! – как-то картинно кричал отец. – В институт поступай, в институт! Если ты так любишь все эти железки, так иди в политех, кто же против. Но мозги должны работать, а не руки! Ты чего же, собираешься всю жизнь в этом, как его, солидоле возиться?!

– Пап, я собираюсь жить... – ответил Грядкин. – Просто жить. А для жизни нужны деньги. И я их заработаю.

– Как?! Как? – вскричал отец. – Что значит – заработаю? Опять торговать? Пойдешь в торгоши – чтобы ноги твоей в нашем доме не было!

Настала тишина. Отец то ли думал, не перегнул ли палку, то ли надеялся, что Николай сейчас одумается и начнет распаковывать чемодан. Но тут отец увидел, что у сына как-то странно загорелись глаза. Лицо у Николая вообще было странное – вроде ничего такого, но иногда он становился похож то ли на религиозного фанатика, то ли на мужика со старого советского плаката «Помоги голодающим!», на котором изможденный человек смотрит куда-то вдаль отчаянными глазами. С этими глазами он поднял с пола чемодан и сказал:

– Не будет.

После этого он вышел. Мать рванула было за ним, но отец схватил ее за пояс и держал так, пока шаги Николая не утихли, пока внизу не хлопнула входная дверь подъезда. И потом еще держал, чтобы наверняка...

Глава 4

В новом городе он обжился быстро – словно неприхотливое растение, которому для жизни хватает нескольких капель воды. В техникуме дали место в общежитии.

После этого он поехал по городу – посмотрел автомагазины. Потом свел разные знакомства в больших гаражах и больших автопредприятиях. Через неделю ему казалось, будто он знает здесь всех.

Это был день в конце первой недели сентября, поздний вечер этого дня. Уже стемнело. На остановке Николай заметил женщину. Он подошел к ней и увидел усталое лицо редкой красоты. Он бы не смог сказать, что такого в этом лице, но знал, что красивее не видел никого. Женщина посмотрела на него в ответ. Потом отвернулась лицом туда, откуда должен был приехать автобус.

– Какой ждете? – спросил Николай.

– 107-й... – ответила она.

– Ого! – сказал он. – Это вам теперь уже до утра придется ждать. Вряд ли он приедет...

Она нахмурилась – видно и сама уже догадывалась.

– А вам куда? – спросил он. Она назвала один из отдаленных районов города.

– Слушайте... – сказал Николай. – Где-то через час у автобусников пойдет дежурка примерно в ту сторону. Я могу с ними договориться, они вас возьмут...

Она глянула на него с любопытством.

– А вы что, автобусник? – спросила она.

– Да нет, я просто прохожий... – ответил он. – Просто я знаю людей на этом маршруте.

Ну так как?

Она подумала и кивнула:

– Договоритесь, если можно. Не на улице же мне ночевать...

– На улице холодно... – подтвердил он.

Они пошли к дежурке, он зашел внутрь, она видела его через окно. Он что-то говорил, ему что-то отвечали, он кивал, улыбался. «Совсем мальчишка...» – подумала она.

Он вышел.

– Все, возьмут вас и даже подвернут немного, чтобы вам меньше было идти... – сказал он.

– Спасибо... – ответила она. – Как вас зовут, просто прохожий?

– Николай зовут... – сказал он. – А вас?

– А меня Ирина... – сказала она. – Ирина Радостева.

– Ого, какая у вас фамилия! – изумился он.

– Это не моя... – сказала она, внимательно глядя, какое это на него произведет впечатление. – Это по мужу.

В глазах его что-то мелькнуло. «Расстроился?» – подумала Ирина, и это вдруг обрадовало ее. Она тут же подумала, что как-то нелепо ей строить планы на этого вчерашнего школьника, но все же было приятно, что этот парень расстроился, узнав, что она замужем.

– Ну все равно повезло... – сказал Николай. Известие о том, что понравившаяся ему девушка замужем, огорчило его. Он сам перед собой делал вид, что просто помогает человеку, но сам же перед собой признавался, что не просто так помогает. «Вот стояла бы тетка лет пятидесяти – так мимо прошел и даже не заметил бы...» – сам над собой посмеялся он.

В его 17 лет опыта общения с женским полом не было у него никакого – не считать же опытом просьбы списать контрольную или редкие медленные танцы на школьной дискотеке, во время которых Грядкин никогда не знал, что сказать. Была в их классе девочка, нравившаяся ему едва ли не с первого класса. О том, что он любит ее, знала и она, и весь

класс. Чем старше они все становились, тем интереснее делалось всем вокруг – получится ли у Грядкина что-нибудь? Может, и девочка эта ждала от Грядкина каких-то действий, но так и не дождалась – уж слишком он оказался робок. В одном анекдоте говорится: чтобы выиграть в лотерее, надо как минимум купить лотерейный билет. Так и в любви: можно, конечно, ждать, что все за тебя сделает женщина, но лучше все же что-нибудь предпринять и самому. Когда Грядкин понял это, было уже поздно – у этой девочки уже был другой. Еще и поэтому уехал он из своего города.

Как он решился заговорить с незнакомкой на остановке, он и сам не знал, но каждый ее ответ прибавлял ему уверенности. То, что она была старше него, странным образом успокаивало – со сверстницей он бы наверняка проглотил язык. «Сколько ей?.. – гадал Грядкин. – Двадцать? Двадцать два?»...

Он вдруг с ужасом понял, что уже не знает, о чем говорить. Оставалась только соломинка ее фамилии, и он уцепился за нее.

– У вас, наверное, жизнь – сплошная радость? – спросил он, вымученно улыбаясь, понимая, что вопрос в общем-то идиотский – только что ведь про фамилию было говорено, и боясь, что она отделается сейчас какой-нибудь односложной фразой, обрывающей разговор.

– Как сказать... – усмехнулась она, и он понял, что – пронесло, не отвернулась. – Не так уж и много радости было у меня с ней.

– А что так? – спросил он. Они перебрасывались словами, как мячиком. Ирина вдруг подумала – почему бы и не поговорить? Это было как в поезде, когда случайному попутчику рассказывают то, что не рассказывают близким друзьям.

– Да так... – она мотнула головой. – Я совсем молодая была, когда мы с ним познакомились. Как говорит сейчас мой сын, крыша у меня и поехала...

«Так у нее и сын есть», – подумал Грядкин, и Ирина, сказавшая про сына с умыслом, снова с некоторым удовлетворением заметила, что глаза его погрустнели.

Ирине было 18 лет, когда она познакомилась с Александром. Он был на пять лет старше, и шел обычным путем простого советского человека: отслужил армию, поступил работать на завод, получал приличные деньги. Жил он при этом с матерью (отец помер давно) и сестрой. Самостоятельная жизнь откладывалась с года на год – у мамы-то и стоговлено все, и постирано, и поглажено. На Ирину, только приехавшую из деревни и учившуюся в ПТУ на швею, Александр при его почти двухметровом росте и широченных плечах произвел сильнейшее впечатление: она чувствовала себя с ним маленькой, чувствовала себя как за каменной стеной. Теперь она понимала, что это было очень по-женски, что женщина ищет в мужике крепость, в которой можно укрыться. Тогда ей нравилось в нем все то, что она с трудом переносила сейчас: его привычка к украинским песням и поговоркам (он служил на Украине), его легкое отношение к деньгам, его робость в отношениях с матерью.

– Он мне все обещал: «Подожди, вот сейчас заживем!»... – говорила Ирина, а Николай слушал, как замороженный. – Уже все жданки съели, а так и не зажили. Да еще и пить начал...

По первости казалось, что это не будет мешать жизни. Мать Александра, Нэлла Макаровна, даже ставила домашнее вино – лучше пей дома, чем на улице. Но он пил и дома (выпивал половину фляги еще пока вино зрело), и на улице.

– Нэлла Макаровна считала, что это все из-за меня... – грустно усмехнулась Ирина. – А это не из-за меня, это из-за водки. Водка уже была ему вкуснее женщины...

– Ну так что же вы с ним живете? – осторожно спросил Грядкин.

– Из-за сына... Из-за Мишки... – ответила она. – Куда я без него? А они ж вцепились в моего мальчишка, не отдадут...

Тут она замолчала – рассказывать дальше не было сил. Да и стыдно было рассказывать, что пожениться Александр предложил только после того, как узнал, что Ирина беременна. Жили первое время все с той же вездесущей Нэллой Макаровной, она с самого начала сов-

местной жизни лезла с советами, а когда родился сын, свекровь со словами «Мамка-то твоя ничего не умеет» и кормила его, и пеленала, и в больницу с ним ходила, так, что в больнице некоторые думали даже, что вот какая удивительная мамаша – в шестьдесят с лишним родила!

Ирине к тому же надо было работать, и поэтому сын оказался на бабке. Но в один страшный для себя день она вдруг обнаружила, что почти не занимает места в его душе. Она стала дарить ему подарки, задабривать, но и денег на это было немного, да и, поняла потом, сама стратегия эта ошибочная.

– Он у меня нынче в школу пошел... – медленно говорила Ирина, не замечая, как слезы текут по щекам, как одна висит на кончике носа. – Я купила ему ранец, копила на него, несла его домой, думая, как сыночек сейчас обрадуется, а оказалось, что Нэлла Макаровна уже купила ранец круче моего! С какой-то машиной, бутылочкой для воды, в общем – где уж нам при нашей-то бедности?! И главное, преподнесла Мишке: «Вот сынок, это тебе от папы и от бабушки». Он после этого на мой ранец даже не посмотрел. Я ему говорю: «Сынок, ты же моя радость». А он мне: «Не, я папкина радость. И бабулина!».

Она смахивала пальцами катившиеся по щекам слезы. Грядкин не знал, что делать. В фильмах герои обнимали плачущих женщин и целовали их в зареванные глаза. Но Грядкин боялся обидеть ее этим – тут было явно не кино. Но Ирина вдруг сама уткнулась головой ему в плечо. Тогда он поднял руку, помедлил, и, наконец, погладил ее по волосам.

Так они сидели до тех пор, пока не пришла дежурка. Потом Грядкин посадил ее в автобус, напоследок узнав, во сколько она будет здесь завтра. Когда она уехала, он пошел в общежитие пешком. Голова его горела. Он понимал, что влюблен, и что должен сделать эту женщину счастливой.

Глава 5

– Так что, у тебя и девчонки не было что ли? – вдруг спросила Ирина.

Грядкин густо покраснел и помотал головой – не было.

– Ого... – сказала она, и глаза ее заискрились. – А хочется?

Он посмотрел на нее – она явно дразнила его.

– Хочется? – еще раз спросила она.

Он молчал, глядя на нее во все глаза.

– А то ведь могу устроить... – сказала она. – Вот сейчас зайдем куда-нибудь за угол, в тихое место...

– Я не хочу за уголком, не хочу в тихом месте... – проговорил он. – Я хочу, чтобы все было по-человечески, красиво. И не надо мне таких подарков. Я хочу, чтобы ты любила меня, когда у нас с тобой это будет...

– Ну ты прямо девочка... – сказала она. – Это девочки думают, что трахаться (она специально выбрала это слово) можно только по любви. Правда, потом почему-то большинство из них лишаются девственности по пьянке.

– А ты? – спросил он, раз уж пошел такой разговор.

– И я... – легко ответила она. – Радостев меня и подпоил однажды. Потом только помню, что он меня куда-то несет. Утром проснулась рядом с ним. Голая. Говорю: «Было что-нибудь?» А он только ржет. Ну потом и я поняла, что было.

– Ты его любила? – спросил он. – Любишь?

Она молчала.

– Первое время голова от него кружилась... – нехотя ответила она. – Он такой большой, высокий, сильный. Поднимал меня, как пушинку. Но потом он все чаще стал стакан поднимать. В первый раз он сильно напился, когда сын родился. Приходил к родному еле живой. Но мне даже моя мама говорила: «Да это ничего, это он радуется». Но сыну уже семь лет, а он все никак нарадоваться не может – каждый день кривой...

– А как так вышло, что ты засиделся в мальчиках? – вдруг спросила она.

– Ну... Так... – неохотно ответил он. – То негде, то не с кем...

Секрет был простой: мама контролировала его на все сто, она даже на выпускном ходила за ним по пятам. Грядкин уже потом понял, что мама опасается, что какая-нибудь Золушка решит, что он Принц, и возьмет ситуацию в свои руки, как когда-то мама взяла в свои руки ситуацию с отцом. «Все должно быть вовремя...» – иногда с горечью думал Грядкин, замечая, что не умеет общаться со сверстниками, не знает каких-то слов. Когда у них в техникуме отмечали дни рождения, как-то так выходило, что его друзья находили себе девчонок, и Грядкин даже понять не мог, когда и как они успели договориться?! Можно было, конечно, хоть на словах выдавать себя за Дон Жуана, но Грядкину и это было неудобно. Так что о его девственности знали в техникуме все.

Ирина смотрела на него с улыбкой. У нее и было в мыслях тут же найти укромный уголок и сделать то, о чем этот мальчик наверняка мечтает, но она тут же подумала, что так, пожалуй, можно и напугать его на всю жизнь. «Останется парень инвалидом!» – подумала она и едва не рассмеялась.

Они сидели в недорогом кафе у окна. На улице был уже поздний ноябрь. Два осенних месяца они «продружили» – этим словом, старомодным еще во времена ее молодости, Ирина сама про себя называла их отношения. Удивительным образом они еще даже не целовались. Не то чтобы Ирине хотелось этого – она, как взрослая женщина, просто удивлялась, почему этого не хочется ему.

«Такой молодой, а смотри-ка – сохнет...» – подумала она. Она в общем-то ни на что не претендовала и относилась к нему немного по-матерински – где-то в глубине души любовь Грядкина заменяла ей недостающую любовь сына.

– Какая ты красивая... – вдруг сказал Грядкин, не сводивший с нее глаз.

– Это ты меня еще молодую не видел. Вот тогда я была красивенькая... – сказала она, чувствуя, как горит лицо.

– Нет, ты и сейчас красивая... – сказал он. От этих слов жар окатил все ее тело.

– Слушай... – через силу сказала она. – Зачем я тебе? Я же старая. Иди, найди себе молодую, вон их сколько.

Он покачал головой. Глаза его горели, как у проповедника – Ирина видела такие глаза пару раз и они ее, прямо скажем, пугали.

– Мне ты нужна... – сказал Грядкин. – Уходи от мужа... Уходи ко мне...

Она посмотрела на него. Они долго сидели молча.

– Не нужна я тебе... – наконец, сказала она. – Это у тебя сейчас голова горит и в штанах все колом. А через два месяца совместной жизни голова остынет, в штанах успокоится – и что мы будем делать? Да и сына он мне не отдаст. А без сына мне не жизнь...

Они замолчали. Грядкин почувствовал, что какая-то пелена застилает ему глаза. И только когда ощутил, как рука Ирины гладит его лицо, он понял, что это были слезы.

Глава 6

– Младший лейтенант, говорите? К нам в военную прокуратуру? Добро пожаловать. Работа у нас не пыльная, но ответственная: ловим, сажаем... Ну давайте знакомиться, молодой человек! Старший следователь Прокопьев Анатолий Кириллович... – мужчина лет пятидесяти протянул Грядкину руку.

Грядкин пожал ее и сел напротив Прокопьева. После окончания техникума Николая призвали в армию и он не стал прятаться – так ему хотелось сбежать от неопределенности в отношениях с Ириной. Уже два года они так и держались за руку. Грядкин понимал, что это уже и не смешно. Он говорил себе, что никакого дискомфорта не чувствует, но потом сам себе возражал – так может, это и плохо, что не чувствует? Он уже боялся: вдруг Ирина скажет «Я твоя, возьми меня» – что же тогда делать? Он понимал, что сам себя загнал в нелепую ситуацию. Армия казалась ему каким-то выходом.

Сразу после призыва он написал заявление на курсы младших командиров, проучился полгода, получил погоны с одной звездочкой на каждом и теперь прибыл к новому месту службы – в военную прокуратуру округа. Не то чтобы ему хотелось быть офицером – просто он вдруг узнал, что офицерам, даже младшим лейтенантам, положено отдельное жилье, хоть какая-то, но отдельная комнатенка.

– Ну что, Николай Викторыч, пойдете представляться начальству... – сказал просмотревший его документы Прокопьев. – Не пугайтесь, прокурор у нас суровый, но справедливый.

Когда они вошли, военный прокурор Юрий Семенович Ваганов, пятидесятилетний, коренастый, с очками на кончике носа, краснея от напряжения и пытаясь, пытался свернуть небольшим гаечным ключом гайку на каком-то странном устройстве. Прокопьев так и не понял, что это, но Грядкин-то сразу разглядел, что это за чем-то снятый супорт с переднего колеса легкового автомобиля.

Ваганов, увидев гостей, указал им на кресла перед своим столом, потом спрятал железку под стол, принял более-менее официальный вид и сказал:

– Ну-с, Анатолий Кириллович, это что ли наш новый кадр?!

При этом он в упор смотрел на Грядкина поверх очков. Грядкин вдруг понял, что прокурор – добрейший человек.

Прокопьев отдал бумаги. Ваганов просмотрел оценки, характеристики, спросил что-то, Грядкин ответил.

– Ну что... – сказал Ваганов. – Будете у нас мелким клерком – допросить, записать, отнести бумагу, принести кофе. Все так начинали, так, Анатолий Кириллович?!

Оба захохотали – степенно, как хохочут в таких ситуациях люди с полковничьими звездами на погонах.

– Да я и не против... – ответил Грядкин, осторожно раздвигая губы в улыбке.

Тут он подумал, что можно, пожалуй, и осмелеть.

– А разрешите вопрос, товарищ военный прокурор... – сказал он.

– Будьте, Николай Викторович, попроще, без этих вот церемоний. Юрий Семеныч, Юрий Семеныч я... – сказал прокурор.

– Хорошо... – кивнул Грядкин. – Юрий Семеныч, а это у вас там супорт что ли?

– Ну супорт... – ответил Ваганов, с гораздо большим интересом, чем за секунду до этого, уставившись на Грядкина.

– От «японки»? – спросил Грядкин.

– От «японки»... – с интересом – а что же дальше – ответил Ваганов. – А ты что же – разбираешься в железках, что ли?

– Ну... Так... – уклончиво ответил Грядкин, решив не давать больших авансов – а ну как и не получится у него ничего с этим супортом. – Давайте посмотрю...

Ваганов хмыкнул, залез в стол и выложил на газетке железку.

– Вот здесь, – показал он Грядкину, – видишь, должно ходить, а не ходит...

– Это бывает... – усмехнулся Грядкин с облегчением: проблема эта была для него как насморк для опытного врача. – Вы не ту гайку откручивали.

Ваганов достал из стола набор гаечных ключей, Грядкин вытащил один, начал что-то отворачивать. Ваганов наклонился, и они оба заговорили на полупонятном обычному человеку языке. Прокопьев удивленно посмотрел на это, потом пожал плечами, тихо встал и ушел.

«Ишь ты, – подумал он, затворяя за собой дверь. – Как он быстро к нашему начальнику гаечный ключик подобрал. Мне-то пришлось ведро коньяка старику выпить, да и то иногда косится. А этот... Далек пойдет...» Прокопьев усмехнулся, покрутил головой и пошел к себе.

Глава 7

Ирина открыла дверь своим ключом – на звонок почему-то никто не откликнулся. Пока отряхивала от снега пальто и сбивала грязь с ботинок, услышала в комнате голоса мужа и сына.

– Что ж вы мне не открыли? – спросила она. – Я звоню, звоню...

– А у тебя ключа нету что ли? – ответил муж. Наметанным глазом она определила, что он чуток навеселе, но не сильно. – У нас тут дела, отвлекаться нельзя.

Они рассматривали какую-то книгу. Ирина мельком глянула – опять про пушки. Александр служил в артиллерии и все никак не мог про это забыть. «А что еще ему вспоминать-то? – вдруг подумала Ирина. – После армии толком не работал, и сейчас на моей да на материной шее сидит»...

Сама она работала на одном из заводов, делали железобетон. Работа была не больно-то женская, но кто же сейчас ее, работу, разбирает? Да и как-то так выходило, что именно бабы, замечала Ирина, работали на ремонте путей, водили автобусы, таксовали – то есть делали то, чего еще лет десять назад никто от них не ожидал. «А куда деваться? – подумала Ирина. – Сына-то кормить надо, будешь и лопатой махать, и кирпичи класть».

С другими женщинами в подсобке они не раз говорили об этом – чего это их, женщин, везде становится все больше, а мужиков – все меньше? Чего это бабы шпалы таскают, а мужики охранниками в магазинах да школах сидят по графику один день дежуришь – три отдыхаешь? Приходили к выводу, что мужики нынче – не мужики. Для одного годятся – детей делать, да и это, говорили многие, у них получается все хуже.

Ирина с последним тезисом не соглашалась – ее сын, Мишка, был молодец: в школе успевал, ходил на хоккей. Кололо только то, что к ней, к матери своей, относился он холоднее, чем к чужой тетке.

Вот и сейчас, мазнув по ней взглядом, сын опять уткнулся в книжку.

– Вот это, сынок, гаубица Д-1, вот из таких папка стрелял целыми днями! – рассказывал Александр, водя пальцем по картинке. – Она, прикинь, весит больше трех тонн!

– Ого! – сказал сын. Глаза его горели.

– Ага! – ответил отец. – А звук от выстрела такой, что вечером друг друга в палатке не слышишь!

Ирина вдруг вспомнила, что те же слова «вечером друг друга в палатке не слышишь» он говорил и ей много лет назад, когда они только познакомились. «Застрял он в этой армии... – подумала она. – Или это он в детстве застрял? Все в солдатиков не наиграется...».

– Танки слева! – вдруг закричал муж, подхватывая Мишку и поднимая над головой. – Орудие к бою!

Мишка хохотал.

Ирина посмотрела на это и ушла на кухню – все равно она здесь лишняя.

«Ну хоть сыном занимается...» – говорила она себе, чистя картошку, морковку, пластая курицу большим, с широким лезвием и замотанной изолентой ручкой, ножом. Нож этот сделал Александр из какой-то специальной стали, когда недолго работал на одном из заводов. Он до сих пор, беря в руки этот нож, рассказывал, как его делал, как нашел нужный металл – выходило так, будто это было одно из главных дел его жизни.

В дверь позвонили.

– Бабуля! – закричал сын, спрыгнул с дивана и помчался открывать. У Ирины вдруг ком встал в горле. Когда-то, когда сын был еще маленький, читала она ему какую-то книжку про ледниковый период. Там мать, чтобы накормить сына, вырезала себе кусок мяса из бедра, и на эту наживку поймала рыбину. Ирина чувствовала, что и она не пожалела бы себя для

сына – хоть кусками, хоть целиком. «Да только не надо ему от меня ничего...» – горестно подумала она.

Свекровь пришла не одна, а со своей дочерью Ольгой. Ольга Ирину просто не переваживала с самого первого знакомства, с того момента, как впервые они встретились глазами. Случается так – не принимает душа человека. Неприятие это бывает разным – можно и в душе носить неприязнь и хоть для виду, но улыбаться, однако Ольга не считала нужным любезничать со снохой. К тому же квартира, в которой сейчас жили Радостевы, была подарена им Нэллой Макаровой на свадьбу – это, как поняла Ирина, было для Ольги кровавой раной, Ольга-то думала, что квартира достанется ей. Ирина чувствовала, что Ольга смотрит на эти комнаты как на свои, ревнуя к цвету обоев, негодуя по поводу отскочившего кафеля, как негодуют квартирные хозяева на нерадивых квартирантов. Однажды мужа по пьянке прорвало, он кричал «Да ты и не любила меня никогда! Тебе квартира нужна была да устроиться в городе!». Ирина сразу поняла, откуда ветер дует – Ольга, все от Ольги. Надеялась, что протрезвеет Александр и все забудет, но он и не трезвел почти, да и версия о том, что любви и не было, очень скоро понравилась ему самому. Это было такое его оружие: когда Ирина говорила, что он пьет и не работает, из-за этого они живут кое-как, он отвечал ей, что она окружила его ради квартиры и города, ну вот они и есть у нее – и квартира, и город, вот пусть теперь и терпит.

Ольга зашла на кухню, не поздоровавшись, поставила сумки и вышла. Тут же подошла свекровь, начала из сумок доставать разные пакеты и кулечки. Мишка крутился рядом.

– Вот тебе, миленький, конфетки... – сказала Нэлла Макаровна. – Ну кто о тебе, кроме бабки-то, позаботится? Мамка вечно на работе, папка... (тут она осеклась)... занят, только бабуля про тебя и помнит.

Ирина уже давно не говорила ей, чтобы она не портила ребенка конфетами и разными сладостями – бесполезно. Строжиться на Мишку тоже было невозможно – тут же все Радостевы поднимались на его защиту: «Да пусть ребенок балуется, детство же!». При этом, Ирина понимала, что перед свекровью они все же в какой-то степени в долгу: и квартира от нее, и продуктами на свою пенсию помогает (да еще ведь и одежду то и дело покупает и Мишке, и Александру), и на хоккей Мишку водит – куда бы они без нее? «Другие-то как-то обходятся...» – вдруг подумала она.

Свекровь захлопотала, быстро в три пары рук (Ольга старательно делала вид, что не замечает Ирину) приготовили ужин, накрыли на стол. Сели ужинать.

– Маманя... – с намеком протянул Александр.

– Ой не пил бы ты, Санька, не пил ее проклятую... – сказала Нэлла Макаровна, но при этом полезла в сервант и вытащила оттуда наполовину полный графин. – Возьмись за жизнь-то свою, возьмись! Ты работу-то нашел?

– Да вот завтра пойду, предлагают кое-что... – ответил Александр, тянувшийся со своего места за графином. За годы его 190 сантиметров роста обросли мясом и жиром, так что до графина он все никак не мог достать. – Ольга, подай!

Ольга придвинула графин.

– А что за работа-то? – спросила мать.

– Да так... – неопределенно ответил Александр. Ирина видела, с каким вниманием он наливает в свою рюмку: не просто вровень с краями, а так, чтобы «с горкой».

– Мамань, тебе налить? – спросил Александр.

Нэлла Макаровна махнула рукой – давай. Александр налил ей, Ольге, а про Ирину никто и не вспоминал. Она уже и привыкла к этому и тихо сидела на своем месте на углу стола.

Все выпили, Александр со стуком поставил рюмку на стол, зацепил вилкой из салатницы тянущуюся как макароны капусту.

– Квашеная капуста – лучшая закуска: и на стол поставить не стыдно, и съедят – не жалко! – сказал он и все Радостевы засмеялись.

«Что за жизнь... Что за жизнь...» – думала Ирина, тоскливо глядя на них.

Она сегодня заехала на почтамт, куда Грядкин писал ей «до востребования». От него было как раз письмо: он писал, что курсы кончились, он теперь младший лейтенант, а главное – ему дали комнатуху. Звал на новоселье. И он, и она понимали, что если она поедет, это будет больше чем новоселье – это будет решение с необратимыми последствиями. Два года они прятались кое-как – Ирину удивляло, как же это их никто не видел, никто не донес. Да и то – она всегда старалась возвращаться домой с таким опозданием, которое можно оправдать пробками, авариями, переполненным транспортом, в котором ей два часа не находилось места. К Грядкину и обратно можно было бы обернуться и за день. Но она понимала, что он ждет от нее большего. Вопрос был только в том, готова ли она на это большее?

– А ты чего это притихла, а? – вдруг услышала она голос Александра. Она подняла голову – все Радостевы смотрели на нее, будто поймали на воровстве.

– Задумалась... – ответила она.

– Про мужа думать надо! – заявила свекровь. – Про то, как своему ненаглядному угождать. А ты в небесах витаешь. Вот посмотри, как твои мужики ходят! Что Мишка, что Санька – обновок никаких, квартира не обихожена, в ванной белье нестиранное. Что же ты за хозяйка?!

– У меня смена по 12 часов... – тихо сказала Ирина.

– У всех смена... – отрезала Ольга. – Бабье дело – успевать.

– Разбаловалась нынешняя молодежь! – заявила Нэлла Макаровна. – Я вот в пятьдесят четвертом году работать начала в колхозе, и тоже смена была 12 часов. И ничего – придешь, да еще в соседнее село на танцы пешком за десять верст. А обувки-то не было: ноги в грязи измажешь, чтобы издалека казалось, будто в калошках... До рассвета пляшешь, а с рассветом – назад. Час поспишь – и на работу. А ты мне – смена... Больно сытая у вас, молодых, жизнь!

И хоть сказала она «у вас», всем очевидно было, что имеет она в виду только Ирину. Все, даже Мишка, уставились на нее осуждающе.

«Что ж они так, нашли себе паршивую овцу...» – подумала Ирина, встала, и ушла в ванную – стирать. Машинка была старинная – бачок с мотором и ручной выжималкой. В комнате шумели о чем-то оставшиеся, наконец, своей семьей Радостевы, а Ирина стирала, полоскала, отжимала, собирала белье в таз. Когда она вышла из ванной, Александр уже спал в углу дивана, Нэлла Макаровна и Ольга смотрели телевизор, а Мишка рассматривал книжку. Ирина поняла, что и стол, и грязная посуда – все тоже на ней.

«И чего я так держусь за эту жизнь? – вдруг подумала она. – Я им в домработницы что ли нанялась?»

И с этой мыслью что-то случилось внутри, чувство свободы залило ее всю. Она поняла, что решилась, на все решилась. Она поняла, что уже изменила мужу – в голове, в душе, – но это куда важнее, чем изменить телом. В голове запрыгали мысли – сколько денег нужно на билет, что взять с собой, когда ехать. Она повеселела, и развешивая белье на лоджии, вдруг стала что-то напевать. Нэлла Макаровна, услышав это, подняла голову и удивленно переглянулась с Ольгой.

Глава 8

– Чего сияешь, Грядкин? – спросил Прокопьев, глядя на Николая.

– Гостей жду, Анатолий Кириллович... – ответил Грядкин, не сумев удержать широкую улыбку. Прокопьев присмотрелся и понял: гости – не просто гости.

– Это кого ж ты ждешь-то? – с намеком спросил он. – Уж наверняка не маму с папой...

– Уж наверняка... – подтвердил Грядкин.

– Женщину что ли? – поддел его Прокопьев.

– Ну... – Грядкин опустил голову и тут же поднял ее. Глаза его сияли. – Ну да. Приедет на Новый год.

– Ого! – сказал Прокопьев. – Ого! Да у тебя, смотрю, любовь.

Грядкин хотел подтвердить – «Да, любовь», но не смог протолкнуть эти слова через разом пересохшее горло. С утра, с того момента, как он в приемной прокуратуры взял конверт с ее письмом, у него горела голова. Он и воду пил, и на улицу ходил на мороз – не остывал.

Прокопьев с интересом смотрел на Грядкина. «Влюблен паренек или так, от перерыва в сексе лопнуть готов?» – подумал он. Но спрашивать ни о чем не стал. За те месяцы, что Грядкин работал в прокуратуре, Прокопьев привык к нему. Все порученное Грядкин делал безропотно, приятельские отношения с Вагановым использовать не пытался, бумаги оформлял аккуратно, дела прошивал так, будто занимался этим всю жизнь. Прокопьев с радостью спихнул на Грядкина допросы всяких дезертиров, самовольщиков, неуставников. Грядкин тянул и этот воз. Прокопьев уже давно оценил исполнительность младшего лейтенанта и теперь думал, что надо бы его чем-то поощрить.

– А приходите, Николай Викторыч, с вашей дамой к нам на Новый год... – сказал он. – Хотя что это... Вам-то поди наедине побыть хочется. Вас поди неделю из постели не вытаскишь? Сколько не виделись-то?

– Полгода почти... – отвечал Грядкин. Лицо его стало багровым.

– Ого! – покачал головой Прокопьев. – Тогда и недели поди мало будет? Ну ладно, вот как выберетесь из постели, так сразу – к нам!

– Спасибо, Анатолий Кириллович... – ответил Грядкин. – Обязательно придем.

Он вышел из прокопьевского кабинета и пошел к себе. Там уселся за стол, обхватил горевшую голову руками и уставился куда-то в стену. Полуулыбка не сходила с его губ. Ирина должна была приехать послезавтра, 29 декабря. От предстоящих ему забот исходил пьянящий запах семейного счастья.

«Надо шампанского купить... Фруктов... – подумал Грядкин. – Икры... Будем ложками есть»...

Он вдруг подумал, что еще прежде надо купить ей подарок. Он уже не раз ходил вечерами по главным торговым улицам этого громадного города, глядя на залитые электрическим светом витрины с манекенами, в каждом из которых ему чудилась Ирина. Особо ярко он представлял Ирину вместо тех манекенов, на которых надето было женское белье. От этих мыслей кружилась голова.

В дверь постучали.

– Да... – крикнул Грядкин.

Вошел солдат с мешком руках.

– Товарищ лейтенант... – начал солдат (как и многие солдаты, он опускал слово «младший», логично предполагая, что этим вряд ли можно кого обидеть). – Вот это печати и документы по ликвидированным воинским частям.

– Вон в тот угол кидай... – распорядился Грядкин. В углу, на который он указал, уже лежала приличная куча этих мешков. В армии еще с девяностых годов шло сокращение, документы расформированных в/ч лежали в военной прокуратуре по всем углам. По первости, узнав, что в этих мешках, Грядкин удивился – а почему именно в прокуратуру их свозят?

– Видать, на нас последняя надежда... – пояснил ему тогда Ваганов. – Это же настоящие бланки, настоящие гербовые печати, настоящие счета. Представь, какие дела можно вертеть с такими документами! В одном месте взял товар, в другом продал, деньги себе, а тебя – ищи-свищи!

– Да кто ж просто так товар отдаст? – усомнился Грядкин.

– Так у тебя печати – гербовые. Ты – армия! – сказал Ваганов, подняв палец. – Любой председатель колхоза знает, что за тобой – Министерство обороны, а уж оно-то рассчитается по всем долгам. Армия на заводах и в колхозах – любимый клиент! Вот чтобы никто этими печатями и бланками не попользовался в своих корыстных целях, их в прокуратуру и сдают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.